

Предисловие ко второму тому

Том «Часть Азии» описывает тот период отечественной истории, когда Руси, можно сказать, не было. Жили люди, говорившие по-русски, соблюдались русские обычаи, сохранялась русская вера, но страны не существовало — и долго не существовало, два с лишним века, с 1238 года до середины пятнадцатого столетия.

По поводу точной даты окончания монгольского владычества есть разные точки зрения. Чаще всего называют 1480 год, когда была официально провозглашена независимость Москвы от ханов, но я согласен с теми историками, кто относит конец этой эпохи к несколько более раннему времени. Поэтому я закончу повествование годом смерти Василия Темного — государя, к концу правления которого Русь избавилась от ордынского засилия фактически. С восхождением на престол Ивана III начинается новый исторический этап, которому правильнее будет посвятить отдельный том.

Хронологические рамки второго тома «Истории Российского государства» охватывают события от 1223 года (первое столкновение русских с монголами) до 1462 года (смерть последнего великого князя, получившего ярлык в Орде).

В биографии всякой страны есть главы красивые, ласкающие национальное самолюбие, и некрасивые, которые хочется забыть или мифологизировать. Эпоха монгольского владычества в русской истории — самая неприглядная. Это тяжелая травма исторической памяти: времена унижения, распада, потери собственной государственности. Писать и читать о событиях XIII–XV веков — занятие поначалу весьма депрессивное. Однако постепенно настроение меняется. Процесс зарубцевания ран, возрождения волнует и завораживает. В нем есть нечто от русской сказки: Русь окропили мертвой водой, затем живой — и она воскресла, да стала сильнее прежнего. Татаро-монгольское завоевание принесло много бед и страданий, но в то же время оно продемонстрировало жизнеспособность страны, кото-

рая выдержала ужасное испытание и сумела создать новую государственность вместо прежней, погибшей.

Этот исторический период невероятно труден для пересказа, потому что события запутаны и хаотичны, а свидетельства хроник противоречивы. В летописях много эмоционального и предвзятого, а стало быть, не вызывающего доверия. Чтение позднейших исторических сочинений не помогает разобраться, где истина и где вымысел, а часто, наоборот, вводит в еще большее заблуждение. В отечественных описаниях обычно преувеличиваются численность сил вторжения и упорство сопротивления, чувствуется желание словно бы оправдать предков, не сумевших выстоять в борьбе с чужеземными захватчиками.

И действительно: если воспринимать Батыево нашествие как победу «чужих» над «нашими», получается обидно. Однако мне ближе точка зрения, согласно которой «татаро-монгольское иго» (об этом термине мы еще поговорим) было не чужеземным завоеванием, а этапом формирования российской государственности, которая обогатилась важным компонентом. Это наши воевали с нашими же. Точно так же, с позиции современных британцев, выглядит война нормандцев с англосаксами. Поэтому, на мой взгляд, правильнее было бы считать потрясения ордынского периода родовыми схватками государства, в котором мы с вами живем. Да, роды были мучительны, но без них не возникло бы России.

Татары, являющиеся у нас такой же коренной народностью, как русские, до сих пор испытывают на себе мстительность древних поговорок. Историческая память языка удивительно живуча. «Незванный гость хуже татарина», говорят у нас, уже не помня, что когда-то имелись в виду разбойничьи наезды ордынских сборщиков дани. Присказка того же происхождения «Нам, татарам, всё даром», уцелела, должно быть, благодаря удачной рифмовке. Слово «татарщина» долго употреблялось в значении «варварство, дикость». О домашнем беспорядке могут сказать: «Будто Мамай прошел» — редкий случай, когда происхождение поговорки можно датировать с точностью до года (1380).

Ладно. Язык не имеет автора, он — такой, какой сложился. Но странно читать у потомка ордынца Кара-мурзы историка Карамзина фразы вроде: «Татары не знали правил чести». (Еще как знали, просто эти правила не совпадали с русскими.)

Кстати говоря, доля «татарских» родов в дворянском сословии, опоре Российской империи, была чрезвычайно высока. По подсчетам историка Н. Загоскина (между прочим, потомка мурзы Шевкала), среди высшей знати было 156 фамилий «восточного», то есть ордынского происхождения — почти столько же, сколько варяжского (168), и намного больше, чем «неуточненно русского» (42).

Да и наш язык при внимательном рассмотрении оказывается с сильной примесью татарскости. Множество слов, которые мы воспринимаем как старинные русские, пришли из Орды: деньги, башмак, аршин, алтын, сундук, казна, таможня, базар, барыш, табун — все и не перечислить.

В общем, нашему взгляду на отечественную историю давно пора бы избавиться от «антитатарской» предвзятости.

Прочитав массу источников и их дальнейших интерпретаций, я пришел к убеждению, что татаро-монгольская составляющая в российской государственности не просто органичная и своя, но превалирует над более древним варяжско-византийским и, пожалуй, даже славянским компонентами. Впрочем, здесь я забегаю вперед — к выводам, которые сгруппированы в последней главе книги. Очень возможно, что, дойдя до финала, читатель со мной не согласится и придет к иному умозаключению.

6

Есть уважаемые историки, которые утверждают, что ордынский опыт не имел для российской государственности особенного значения. С. Соловьев, например, писал: «Историк не имеет права с половины XIII в. прерывать естественную нить событий, ...вставлять татарский период и выдвигать на первый план татар». Так же считал и С.Платонов, заявляя, что «следы влияния татар в администрации, во внешних приемах управления... невелики и носят характер частных отрывочных заимствований».

Однако мне кажется более справедливым суждение, что Московская Русь — не продолжение древнерусского государства, а сущностно иное образование, обладавшее принципиально новыми чертами. Это другое, *второе* русское государство.

Первое было совершенно европейским; его жители выглядели и даже одевались по-европейски. Французский посланник де Рубрук в середине XIII века пишет: «Русские женщины убирают головы так же, как наши, а платья свои с лицевой стороны украшают беличьими или горностаевыми мехами от ног до колен. Мужчины носят

епанчи, как и немцы, а на голове имеют войлочные шляпы, заостренные наверху длинным острием». Двести лет спустя, когда на политической карте континента вновь появится русское государство, москвиты будут восприниматься западными людьми как совершенные азиаты — и так останется вплоть до петровской вестернизации.

Вот почему, если первый том моей «Истории» назывался «Часть Европы», второй называется «Часть Азии».

Несколько особняком от остальной Руси стоит история Новгородчины, обширного региона, избежавшего татарской оккупации и потому долго сохранявшего черты изначальной русской государственности. (Подробный очерк о жизни средневековой купеческой республики включен в первый том моей «Истории».) Но и русский Северо-Запад был политически несамостоятелен, являясь если не прямой провинцией Орды, то ее сателлитом и протекторатом.

На протяжении двух с лишним веков Русь была частью азиатской державы. Собственно, мы и сегодня являемся страной преимущественно азиатской. Достаточно посмотреть в атлас, чтобы убедиться: границы современной России совпадают скорее с контуром Золотой Орды, нежели Киевской Руси.

Иное дело, что, попав на двести лет в зону азиатской цивилизационной модели, Русь там не осталась — но и к европейской парадигме тоже не вернулась, а попыталась нащупать свой собственный, промежуточный путь. Однако речь об этом пойдет уже в следующем, третьем томе.

Напоследок, прежде чем вы приступите к чтению, хочу повторить слова, которыми монах Лаврентий завершил свою летопись, по его имени названную Лаврентьевской: «Где описал, или переписал, или не дописал — чтите, исправляя, Бога делея [Бога ради], а не кляните, занеже книги ветшаны, а ум молод — не дошел».

Пролог. Первая встреча

Если придерживаться точки зрения, что Российское государство несет в себе генетический код двух очень разных цивилизаций — с одной стороны, европейской (сложившейся из славянского, византийского и варяжского компонентов), а с другой стороны, азиатской (монгольско-тюркской), следует сказать, что первая встреча наших «родителей» произошла при весьма бурных обстоятельствах.

Ей предшествовало зловещее предзнаменование.

«Хвостатая звезда»

▶ В канун знакомства (цитирую летопись в пересказе Карамзина), откуда ни возьмись объявилась «звезда величины необыкновенной, и целую неделю в сумерки показывалась на Западе, озаряя небо лучом блестящим. В сие же лето сделалась необыкновенная засуха: леса, болота воспламенялись; густые облака дыма затмевали свет солнца; мгла тяготила воздух, и птицы, к изумлению людей, падали мертвые на землю».

Вообще-то это в очередной раз приблизилась к Земле комета Галлея. Всякое ее появление приводило наших суеверных предков в трепет, поскольку от одного космического визита до другого проходило целых 76 лет, за это время сменялись поколения и предыдущее впечатление забывалось. Поскольку в средние века те или иные несчастья происходили часто, небесный феномен иногда совпадал с какой-нибудь бедой. В позапрошлый раз комета Галлея пролетела незадолго передполовецким нападением 1068 года, и это запомнилось. А вот в 1145 году хроники ничего про нее не пишут, потому что как-то обошлось. В записи же за 1265 год читаем (про какую-то другую комету): «Явилась на востоке звезда хвостатая, страшная на вид, испускающая большие лучи; из-за этого называли эту звезду волосатой. При виде этой звезды охватил всех людей страх и ужас. Мудрецы, глядя на звезду, говорили, что будет великий мятеж в земле, но Бог спасет нас своею волею. И не было ничего».

Так что не стоит придавать знамениям особенного значения.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

В ту эпоху Русь была хоть и окраинной, но стопроцентно европейской страной, соединенной торговыми, культурными, династическими связями с Западом, который после 1204 года (когда крестоносцы захватили Константинополь) на время вобрал в себя и Византию. Страной — но не государством.

Русь накануне монгольского нашествия. М. Руданов

ЧАСТЬ АЗИИ

Единого государства на Восточно-Европейской равнине не существовало уже почти целое столетие. Русь проходила через общую для этого периода европейской истории стадию распада первичного государственного образования на всё более мельчающие княжеские владения.

Страну русославян (я называю этим термином восточнославянскую прото-нацию, которая впоследствии разделилась на русских, украинцев и белорусов) по-прежнему объединяли язык, культура, религия и родственные связи властителей, принадлежавших к династии Рюриковичей, но с ослаблением и оскудением бывшей столицы, Киева, на Руси возникли два новых центра политической силы. На юго-западе строил и расширял свою державу Даниил Галицкий; на северо-востоке властвовало потомство недавно умершего владими́ро-суздальского князя Всеволода Большое Гнездо (об обоих этих выдающихся деятелях было рассказано в предыдущем томе). Впрочем, и на юго-западе, и на северо-востоке не прекращались княжеские раздоры, так что не существовало даже и регионального единства. За эпоху, предшествующую монгольскому нашествию, на Руси произошло не менее восьмидесяти междоусобных войн — в среднем раз в два года.

Господин Великий Новгород, богатая торговая республика, жил по собственным обычаям и сохранял автономию вплоть до второй половины XV века, однако независимости так и не достиг, поскольку не обладал собственной продовольственной базой. Попытки владими́ро-суздальских, а позднее московских князей покорить Новгород являются одной из основных сюжетных линий всей истории русского средневековья.

Следует сказать, что насущной потребности в крепком государстве, управляемом единой волей и представляющем собой мощную военную силу, в начале XIII века, пожалуй, и не было. После того как во времена Владимира Мономаха, еще сто лет назад, объединенные русские войска нанесли несколько мощных ударов по половцам, серьезной внешней угрозы для страны, в общем, не существовало. Степняки продолжали время от времени совершать грабительские набеги на приграничные земли, но это были уже не те половцы, что чуть было не уничтожили Киевское государство в конце XI века. Они стали привычными соседями — чаще союзниками, чем врагами. Князья и ханы уже несколько поколений заключали между собой семейные союзы, в результате чего первые несколько ополечились, а последние — несколько обрусели.

Эти тесные связи, родственные и политические, явление вроде бы частное и в историческом смысле не особенно важное, стали первопричиной огромной беды, обрушившейся на Русь в 1223 году.

Случайность или неизбежность?

Здесь придется коснуться двух очень интересных тем, над которыми рано или поздно приходится задуматься всякому, кто серьезно заинтересуется историей.

Первая касается соотношения случайного-неслучайного в историческом процессе и в судьбе каждой отдельно взятой страны.

Существуют две крайние точки зрения: 1) движение истории хаотично и представляет собой цепочку совершенно произвольных, непредсказуемых событий; 2) случайное большого значения не имеет, поскольку влияет лишь на частности, но не на общую эволюцию человечества, подчиняющуюся неким познаваемым, неукоснительно действующим законам либо непостижимой воле Высшего Разума (это уж в зависимости от мировоззрения).

Мне представляется, что истина находится где-то посередине между «хаотической» и «логической» теориями, а «провиденциальную», то есть божественную, я рассматривать не готов, потому что если всё предопределено чьей-то Волей, то нечего и умничать. Я уверен, что законы общественно-политической эволюции существуют, но их работа проявляется в генеральном ходе истории, а вот что касается судьбы отдельной страны, то она из-за сцепления случайностей вполне может как достичь величия, так и впасть в ничтожество либо вовсе исчезнуть.

Вторая тема, собственно, являющаяся ответвлением первой, не менее дискуссионна: роль личности в истории. Я не раз и не два буду касаться этой проблематики, рассказывая о различных деятелях описываемой эпохи — очень сумбурной, изобиловавшей катаклизмами и потому особенно зависевшей от случайных событий и личных качеств ключевых деятелей.

Безусловно, существовали объективные обстоятельства, в силу которых Русь была завоевана монголами: политическая слабость вследствие раздробленности; географическое соседство со Степью, исторгавшей из своих недр нашествие за нашествием; наконец, стремление растущей чингизидской империи занять всю Евразию от океана до океана, что рано или поздно должно было привести монгольские полчища к русским рубежам. Но факт и то, что искра, от которой разгорелся пожар, опаливший отече-

---

ЧАСТЬ АЗИИ

ственную историю и направивший ее в сущностно иное русло, была высечена двумя совершенно случайными, до нелепости малозначительными обстоятельствами. Могу предложить глупую, но при этом вполне соответствующую истине формулировку: «Всё началось из-за того, что на Руси жил один скучающий человек, и этому человеку не повезло с тестем».

В предыдущем томе, описывая удивительную судьбу князя Мстислава Удатного, я коротко коснулся Калкинской катастрофы, но исторические последствия этого события столь грандиозны, что оно заслуживает подробного рассказа.

«...Том же лете, — повествует летопись о событиях 6372 года от сотворения мира (1223), — по грехом нашим, придоша языци незнаеми, их же добре никто же не весть, кто суть и отколе изидоша, и что язык их, и котораго племене суть, и что вера их; а зовуть я Татары...». Из уточнения «по грехам нашим» видно, что автор являлся адептом «провиденциальной теории». Всякий раз, когда происходило какое-нибудь несчастье, у хроникеров-монахов было только одно объяснение: Божий гнев.

Однако «татары» пришли не сами по себе, и нельзя сказать, чтобы Русь оказалась жертвой ничем не спровоцированной агрессии. Неправда и то, что русские совершенно не представляли себе, кто такие эти неведомые язычники, поскольку о них подробно поведал язычник хорошо знакомый и даже родственник — половецкий хан, которого летописцы почтительно называют Котяном Сутоевичем.

Половецкий тесть

▶ Этот роковой для нашей истории персонаж возглавлял союз западных половецких племен. Он активно участвовал в русских междоусобицах, помогая Мстиславу Удатному завоевать Галич, и во имя политического союза выдал за этого храброго и удачливого («удатного») полководца свою дочь, получившую при крещении имя Мария. Когда на земли Котяна с востока напал сильный враг, с которым половцы совладать не могли, половецкий хан обратился за помощью к знаменитому родственнику, который был многим ему обязан. В несчастной битве на Калке тесть с зятем были в числе немногих уцелевших, а после ухода монголов Котян смог вернуться в родные края и вплоть до Батыева вторжения жил там по-прежнему, то и дело ввязываясь в свары между Рюриковичами. Во время Нашествия хан, уже неоднократно битый монголами, благоразумно бежал далеко на запад, уведя с собой сорокатысячную орду, которую приютил венгерский король.

Котян во второй раз сыграл зловещую роль для целой страны — теперь для Венгрии. Хан Бату повел свою армию на это королевство в том числе и в отместку за то,

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

что оно приняло к себе заклятого врага монголов. Но Котян до новой войны не дождался. Венгерская знать умертвила пришельца, неосновательно заподозрив, что он подослан монголами нарочно. Хана не спасло даже то, что он перешел в католичество и выдал дочь Елизавету за наследника венгерского престола. Потомки котяных половцев, оставшихся в Венгрии, еще несколько веков сохраняли свой язык и обычаи, а затем ассимилировались.

Котян Сутоевич знал, к кому обратиться. Мстислав Удатный был князем задиристым и непоседливым. Он не мог жить спокойно, без войн. Когда становилось скучно, уходил на поиски новых приключений. Так, например, он оставил новгородское княжение, хотя тамошние жители его любили и не хотели от себя отпускать. Храбрый, самоуверенный, напористый, Мстислав без особой нужды устроил Липицкое сражение (1216 г.), самое кровопролитное в истории русских междоусобиц. К предложению

ЧАСТЬ АЗИИ

идти в Степь против обидчиков тестя Удатный отнесся с энтузиазмом. На Руси этот прославленный полководец пользовался большим авторитетом, чему несомненно способствовала репутация прирожденного счастливица, добивавшегося успеха во всех начинаниях.

«Храбрый Князь Галицкий, пылая ревностью отведавший счастья с новым и столь уже славным врагом, собрал Князей на совет в Киеве», — пишет Карамзин. На съезде хан Котян говорил: сегодня враги отобрали землю у меня, а завтра отберут у вас. Обычно такие аргументы не действовали — о завтрашнем дне тогдашние феодалы особенно не задумывались, были слишком поглощены сиюминутными заботами, а будущее вверяли Промыслу Божью. Для вящей убедительности Котян еще и крестился в русскую веру (как мы уже знаем, потом он для венгров перейдет и в католичество). Но главную роль, вероятно, сыграли щедрые дары, на которые не поскупился изгнанник: «кони, и вельблуды, и буволы, и девкы».

В конце концов Котян с Мстиславом Удатным сумели склонить на свою сторону еще двух важных Мстиславов, черниговского и киевского. Последний был еще и великим князем — титул к тому времени почти номинальный, но все равно громкий. За тремя Мстиславами потянулись князьки поменьше. Собралась большая армия из двух десятков русских дружин и половцев Котяна Сутоевича.

Перечень Рюриковичей, принявших участие в походе, длинен, но в основном это были мелкие удельные феодалы из окружения киевского, черниговского и галицкого князей. При пестром составе союзного войска в нем не было ни порядка, ни единоначалия. Каждый отряд двигался сам по себе. Самым высоким статусом обладал Мстислав Киевский, но военная репутация Мстислава Галицкого была неизмеримо выше. Оба предводителя, несмотря на близкое родство (они были двоюродные), к тому же сильно не любили друг друга.

Относительно размера коалиционной армии достоверных сведений нет. Подсчитывать численность больших армий в те времена то ли не умели, то ли ленились, и так будет на протяжении всего русского средневековья. Ссылаясь на летописные данные, историк Татищев пишет про сто тысяч русских и пятьдесят тысяч половцев, но это, конечно, цифры совершенно фантастические. Известно, что самый могущественный из русских князей владими́ро-суздальский Юрий Всеволодович прислал отряд в 800 копий. Он считался небольшим, но всё же упоминается отдельно. Вероятно, каждый из трех Мстиславов привел по несколько тысяч воинов, а мелкие князья — по несколько сотен. К этому нужно прибавить полов-

---

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

цев Котяна, который, находясь в бегах, вряд ли мог иметь много людей. В целом рать, видимо, насчитывала порядка двадцати, самое большое тридцати тысяч человек, но по тем временам это было очень много, и Таищев наверняка прав, говоря, что «такого русского войска давно вместе не бывало».

Поход

Сборный пункт назначили на Днепре, неподалеку от острова Хортица. Примерно месяц туда плыли ладьи с воинами, подтягивались конные дружины, шли пешие отряды. В начале мая 1223 года наконец двинулись в Степь.

▶ Все даты, касающиеся сражения на Калке, и даже сам год долгое время были предметом дискуссий. Кто-то из историков относил это событие к 1223 году, кто-то к 1224 году. Путаница произошла из-за того, что летописцы разных областей Руси вели отсчет нового года по-разному: одни на византийский манер, с 1 сентября, другие по-старинному, с 1 марта. Поэтому в одних источниках битва значится под 6371 годом, а в других под 6372-м. Сегодня большинство исследователей считают, что баталия произошла 31 мая 1223 г.

Возможно, дальнейшие события приняли бы менее катастрофический для Руси оборот, если б не одно постыдное обстоятельство.

Узнав о военных приготовлениях князей, монголы прислали парламентеров, которые сказали, что биться не из-за чего: никаких обид русским монголы не наносили, их городов и сел не занимали, а воюют только против половцев, которые причиняют много зла и Руси. По причинам, о которых мы можем лишь догадываться, князья убили этих послов, не смотря на их разумные речи. Скорее всего, инициатором злодеяния был хан Котян. Возможно, приложил руку и Удатный. Зная его характер, резонно предположить, что мирное разрешение конфликта его вряд ли бы устроило.

Если до этого момента еще оставалась вероятность, что монголы уйдут от столкновения, то теперь сражение стало неизбежным.

По монгольским понятиям, умерщвление послов считалось худшим из преступлений (согласимся, что так оно и есть). Подобное кощунство ни в коем случае нельзя было оставлять безнаказанным.